

Примѣчанія.

1) Важнѣйшіе труды по вопросу объ единствѣ русскаго языка вообще см.: А. И. Соболевскій: Лекціи по исторіи русскаго языка, 1 изд. — Кіевъ, 1888. — 4 изд. — Москва, 1907; А. А. Шахматовъ: Къ вопросу объ образованіи русскаихъ нарѣчій, Варшава, 1894; его же: Къ вопросу объ образованіи русскихъ нарѣчій и русскаихъ народностей, С.-Пб. 1899; его же: Очеркъ древнѣйшаго періода русскаго языка, Петрогр. 1915; его же: Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, Петр. 1916; А. М. Лобода: Русскій языкъ и его южная вѣтвь, Кіевъ, 1898; А. С. Будиловичъ: Къ вопросу о литературномъ языкѣ Юго-западной Руси, Юрьевъ, 1900; П. А. Заболотскій: Русскій литературный языкъ, Нѣжинъ, 1918; Б. М. Ляпуновъ: Единство русскаго языка въ его нарѣчіяхъ, Одесса, 1919; Ю. А. Яворскій: Русскій языкъ, Львовъ, 1902—1923.

Въ частности-же, по вопросу объ единствѣ русской народности и культуры, съ одной стороны, а объ „украинскихъ“ попыткахъ раскола и обособленія, съ другой, см.: О. А. Мончаловскій: Литературное и политическое украинофильство, Львовъ, 1898; Т. Д. Флоринскій: Малорусскій языкъ и „украинско-рускій“ литературный сепаратизмъ, С.-Пб. 1900; его же: Гдѣ правда? — „Кіевлянинъ“, 1900; И. П. Филевичъ: По поводу теоріи двухъ русскихъ народностей, Львовъ, 1902; его же: Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и „Кіевская Старина“, Варшава, 1903; Я. Демченко: Правда объ украинофильствѣ, Кіевъ, 1906; А. С. Будиловичъ: О единствѣ русскаго народа, С.-Пб. 1907; А. И. Соболевскій: Русскій народъ, какъ этнографическое цѣлое, Харьковъ, 1907, — Львовъ, 1911; Д. А. Марковъ: Die russische und ukrainische Idee in Österreich, Вѣна-Лейпцигъ. 1908, — то же въ русскомъ переводѣ: Русская и украинская идея въ Австріи, Львовъ, 1911; С. Н. Щеголевъ: Украинское движеніе, какъ современный этапъ южно-русскаго сепаратизма, Кіевъ, 1912; его же: Современное украинство, Кіевъ, 1914; А. В. Стороженко: Происхожденіе и сущность украинофильства, Кіевъ, 1912; его же: Малая Россія или Украина? Ростовъ на Дону, 1919; И. А. Сикорскій: Русскіе и украинцы, Кіевъ, 1913; П. Е. Казанскій: Русскій языкъ въ Австро-Венгріи, Одесса, 1912; И. А. Линниченко: Малорусскій вопросъ и автономія Малороссіи, Петроградъ-Одесса, 1917; В. В.

Шульгинъ: Украинскій народъ, Одесса, 1919; И. И. Замотинъ: Единство русской культуры, Харьковъ, 1919; А. И. Савенко: Украинцы или малороссы? Ростовъ на Дону, 1919; Кн. А. М. Волконскій: Историческая правда и украинофильская пропаганда, Туринъ, 1920.

2) Скончавшійся въ прошломъ году патріархъ современнаго славяновѣдѣнія, профессоръ Вѣнскаго университета и академикъ Игнатій (Ватрославъ) Викентьевичъ Ягичъ (1838 - 1923), хотя въ послѣднее время какъ-будто и призналъ до нѣкоторой степени, въ силу самого факта ихъ существованія и развитія, особия „украинскія“ языковыя и культурныя устремленія, но по существу, въ наукѣ, относился къ нимъ всегда вполнѣ отрицательно и глубоко скорбѣлъ по поводу этого безумнаго и злостнаго раскола въ національной русской средѣ. Какъ въ области научной мысли „принадлежность всѣхъ нарѣчій русскаго языка къ одному цѣлому по отношенію къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ“ — неизмѣнно была для него „неотразимымъ научнымъ аксіомомъ“ (Кригичъ, замѣтки по ист. русскаго языка, С.-Пб. 1889, 151), такъ и въ самой жизни все признаніе и сочувствіе его оставалось всегда по сторонѣ „тѣхъ образованныхъ малороссовъ, которые сумѣли свою сердечную привязанность къ родному краю, Украйнѣ, примирить съ широкими общерусскими потребностями“ (Ист. слав. филологіи, С.-Пб. 1910, 490).

3) Это указаніе на проф. Ал. Колессу, какъ на сторонника и идеолога единства русскаго языка, очевидно, имѣетъ только ироническій характеръ, какъ тонкій намекъ а contrario на то, что чуть лишь кто-нибудь изъ „украинскихъ“ ученыхъ попытается стать на дѣйствительно научную, фактическую почву, онъ тѣмъ же самымъ уже не можетъ этого единства не признать. Такъ это и произошло въ данномъ случаѣ также и съ проф. Колессой, который въ означенной своей политической парламентской рѣчи, сплошь проникнутой въ общемъ самой яркой „самостійно-украинской“ тенденціей, тѣмъ не менѣе, какъ только коснулся, по Фортунатову, элементарнѣйшихъ научныхъ прописей, невольно былъ вынужденъ тутъ-же опровергнуть самого себя. Тѣмъ болѣе, что и вообще-то вѣдь филологическія заключенія проф. Колессы, болѣе извѣстнаго въ качествѣ политика и поэта, чѣмъ ученаго языковѣда, не могли бы быть, конечно, серьезно принимаемы въ расчетъ.

Что касается изданія, по которому авторъ цитируетъ слова проф. Колессы, то это, повидимому, официальный стенографическій протоколъ засѣданій австрійскаго

парламента, въ которомъ данная рѣчь была произнесена 11 іюня 1908 г. (а не 8-го, какъ ошибочно напечатано выше, въ русскомъ переводѣ, на стр. 36-ой) въ отвѣтъ на защитительную рѣчь депутата д-ра Н. П. Глѣбовицкаго въ пользу признанія правъ русской національности въ Австріи. Ср. также изданную „Загальною Украинскою Радою“ военную брошюру „Ukrainische und russische Sprache“ (Вѣна, 1914), гдѣ эта рѣчь, очевидно — за отсутствіемъ болѣе авторитетныхъ и убѣдительныхъ свидѣтельствъ, была воспроизведена въ извлеченіи тоже (стр. 17—23).

4) Будучи опять-таки, подобно проф. Колессѣ, преимущественно политическимъ дѣвателемъ и занимаясь наукой только по необходимости и внѣшнѣе, поскольку этого ужъ неотложно требуютъ его профессиональныя обязанности или соображенія политическаго момента, проф. Ст. Смалья-Стоцкій, въ свою очередь, особаго и сколько-нибудь замѣтнаго значенія въ славяно-русской наукѣ не представляетъ, хотя онъ и удостоился недавно, очевидно — тоже по политическимъ соображеніямъ, какъ чуть-ли не единственный формальный представитель „украинской науки“ изъ Буковины, демонстративнаго избранія въ члены „Всеукраинской Академіи Наукъ“ въ Кіевѣ. Что-же касается самихъ трудовъ проф. Смалья-Стоцкаго, то оба главные изъ нихъ — „украинская“ грамматика и меморандумъ по вопросу о введеніи фонетики въ школахъ — имѣютъ тоже скорѣе практической и тенденціозно партійный, чѣмъ какой-нибудь научный характеръ, причѣмъ и составлены то они имъ даже, какъ извѣстно, не самостоятельно и цѣльно, а при всемѣрномъ руководствѣ и содѣйствіи нѣмецкаго филолога проф. Т. Гартнера, въ виду чего вполнѣ естественно и справедливо, какъ это отмѣчено уже и проф. Вондракомъ выше, что они встрѣтили почти единодушное осужденіе въ славянской наукѣ.

5) Сильно на шумѣвшая въ свое время и непотерявшая и до сихъ поръ своей злободневной остроты исторія съ пресловутой запиской яко-бы Петербургской Академіи Наукъ объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова, на которую все еще, за неимѣніемъ лучшаго, такъ побѣдоносно продолжаютъ ссылаться всѣ приверженцы „украинскаго“ раскола, заключается въ дѣйствительности въ слѣдующемъ:

Какъ извѣстно, самая мысль объ означенной запискѣ возникла въ 1905 г. совершенно неожиданно и случайно, въ связи съ предполагавшейся отмѣной суровыхъ цензурныхъ стѣсненій въ Россіи вообще, когда министерство внутреннихъ дѣлъ специально относительно малорусской печати

обратилось съ особыми запросами о благомыслии къ тремъ южно-русскимъ университетамъ (въ Кіевѣ, Харьковѣ и Одесѣ), съ одной стороны, а къ Академіи Наукъ, съ другой. И вотъ, въ то время, какъ стояція ближе всего къ этому вопросу мѣстныя университетскія коллегіи, не отрицая насущной необходимости и своевременности совершенной отмѣны какихъ бы то ни было цензурныхъ ограниченій для малорусскихъ печатныхъ произведеній самихъ по себѣ, тѣмъ не менѣе, не находили нужнымъ высказываться по общему, уже давно установленному въ наукѣ, вопросу о мнимои отдѣльности и самостоятельности малорусскаго нарѣчія или народа по существу, — нѣкоторые изъ ультра-либеральныхъ членовъ Академіи, въ угоду издавна покровительствуемымъ ими, какъ угнетеннымъ, „украинскимъ“ литературно-общественнымъ кругамъ, тутъ-же представившимъ имъ цѣлый ворохъ соответственныхъ записокъ и статей, сочли удобнымъ воспользоваться этимъ благоприятнымъ предлогомъ для того, чтобы не только практически и реально добиться освобожденія малорусской печати отъ сковывавшихъ ее нелѣпыхъ цензурныхъ узъ, но также и принципиально выдвинуть и поддержать и болѣе широкой и общій вопросъ о полной и всесторонней отдѣльности и самостоятельности малорусской народности вообще. Такъ, скорѣе въ видахъ условной культурно-политической химеры момента, чѣмъ для чисто научнаго и объективнаго выясненія и установленія самого этого докучнаго и сложнаго вопроса, и возникла въ смутъ времени эта пресловутая записка, что, впрочемъ, достаточно ясно сквозитъ уже и въ самомъ ея содержаніи, которое болѣе основано на общихъ этно-психологическихъ и литературно-политическихъ разсужденіяхъ и соображеніяхъ, чѣмъ на дѣйствительныхъ и критически проверенныхъ положеніяхъ и данныхъ историко-филологическихъ наукъ. Если-же къ тому-же принять еще во вниманіе, что и внѣшнія обстоятельства появленія данной записки въ достаточной степени условны или мутны, а именно: 1) что составлена она была двумя самыми благодушными и увлекавшимися не въ мѣру членами Русскаго Отдѣленія Академіи, О. Е. Коршемъ и А. А. Шахматовымъ, а въ приложеніи къ ней, въ качествѣ побудительныхъ источниковъ или оправдательныхъ документовъ, были помѣщены ужъ завѣдомо пристрастные и тенденціозныя частныя записки такихъ выдающихся представителей „украинскаго“ движенія въ Россіи, какъ П. Я. Стебницкій, А. И. Лотоцкій, А. А. Руссовъ, С. О. Руссовъ, В. П. Науменко, В. М. Леонтовичъ и др.; 2) что, — какъ это уже вполнѣ

правильно подчеркнул на вѣяскомъ процессѣ Д. А. Марковъ, — въ составѣ академической комиссіи, одобрившей и подписавшей данную записку, кромѣ названнаго выше спеціалиста по русскому языку—А. А. Шахматова и общаго языковѣда Ф. Ф. Фортунатова, входили уже одни только посторонніе и совершенно чуждые данному предмету ученые, какъ натуралисты В. Н. Заленскій и А. С. Фаминцынъ, ориенталистъ С. Ф. Ольденбургъ и историкъ А. С. Лаппо-Данилевскій; 3) что изъ нѣсколькихъ десятковъ другихъ членовъ Академіи, въ томъ числѣ и самыхъ крупныхъ и признанныхъ авторитетовъ въ данной области, какъ А. И. Соболевскій, И. В. Ягичъ и В. И. Ламанскій, — какъ это тоже было отмѣчено на томъ же процессѣ, — никто больше своей подписи къ нимъ не присоединилъ, а А. И. Соболевскій заявилъ даже противъ этого выступленія самый рѣзкій и уничтожительный протестъ; и наконецъ, 4) что ни сама Академія въ своемъ цѣломъ, ни даже одно ея Русское Отдѣленіе, какъ такое, никогда не принимали и не издавали данной записки въ качествѣ своего коллективнаго и официальнаго заключенія, а только, по заведенному обычаю, допустили ея напечатаніе „на правахъ рукописи“, какъ предварительный и неподлежащій оглашенію отчетъ о занятіяхъ комиссіи; — если все это принять во вниманіе и взвѣсить, то, разумѣется, не приходится и говорить больше о томъ, что эта злополучная записка является какимъ-нибудь общимъ и официальнымъ заявленіемъ Русской Академіи Наукъ, которое будто-бы никакому сомнѣнію и спору болѣе не подлежитъ. На повѣрку, наоборотъ, оказывается совершенно ясно, что это — просто только частная, да и то лишь болѣе или менѣе случайная, литературно-политическая выходка нѣсколькихъ, частью совершенно неосвѣдомленныхъ, частью же слишкомъ неустойчивыхъ и пылкихъ членовъ Академіи, которая даже въ такой частной и условной своей роли никакихъ особыхъ вѣхъ и откровеній не даетъ. Такимъ образомъ, въ сущности, весь ея непомерно раздутый авторитетъ и успѣхъ основывается, въ концѣ концовъ, только на томъ, что этихъ дѣлъ мастера, дѣльцы „украинскаго“ толка, коварно опубликовавъ неподлежавшій оглашенію предварительный и частный протоколъ, съ присущимъ себѣ аппломбомъ и шумомъ объявили его, въ качествѣ послѣдняго и непреерекаемаго слова правды и науки, официальнымъ и общимъ заключеніемъ Русской Академіи Наукъ, между тѣмъ, какъ на самомъ дѣлѣ это — просто на-просто только обычный „украинскій“ блѣфъ и подлогъ.

См.: Императорская Академія Наукъ. Объ отмѣнѣ стѣсненій малорусскаго печатнаго слова. С. - Пб. 1905, стр. III + 96 in f^o. На правахъ рукописи. — То же въ частномъ изданіи: С. - Пб. 1910, и Кіевъ, 1911 (безъ приложеній). — Ср. также: Петербургска Академія Наукъ в справѣ знесена забороны украинскаго слова, Львовъ, 1905 (оттискъ изъ „Лит. - Наук. Вістника“), и Ukrainische und russische Sprache, Вѣна, 1914, стр. 11—16.

6) Знаменитый русскій филологъ, этнографъ, палеографъ и историкъ древнеписьменной литературы, профессоръ и академикъ Алексѣй Ивановичъ Соболевскій (род. 1856 г.), на протяжении всей своей высоко талантливой и многогранной научной дѣятельности неоднократно и проникновенно останавливался на этомъ основоположномъ вопросѣ объ органическомъ единствѣ русскаго языка въ его историческомъ развитіи и въ его частныхъ нарѣчіяхъ, причемъ общіе результаты и выводы его многочисленныхъ и глубокихъ разысканій въ этомъ направленіи ваиболѣе систематически и строѣно подведены въ его капитальѣйшихъ Лекціяхъ по исторіи русскаго языка (1-ое изд. — Кіевъ, 1888, — 4-ое изд. — Москва, 1907).

7) Трагически скончавшійся недавно отъ кошмарныхъ условій выѣшней совѣтской жизни, выдающійся и многозаслуженный русскій историкъ и филологъ, профессоръ и академикъ Алексѣй Александровичъ Шахматовъ (1864—1920), при своихъ глубокихъ и разностороннихъ знаніяхъ, широтѣ и размахѣ научнаго горизонта и блестящемъ и оригинальномъ умѣ, обладалъ вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствительно въ высшей степени пытливымъ и легко увлекающимся воображеніемъ, которое побуждало его неоднократно выдвигать и горячо отстаивать разныя рискованныя и несостоятельныя гипотезы, которыя иногда встрѣчали рѣзкій отпоръ въ наукѣ и чувствительно подрывали его яркій и несомнѣнный научный авторитетъ.

Такъ вышло также и съ злополучной кельтской теоріей, о которой упомянулъ выше проф. Вондракъ. Восторженно увлекшись вѣкоторыми кельтскими отзвуками или созвучьями въ языкѣ древнихъ этовъ (по Тациту) и въ географическихъ названіяхъ мѣстностей надъ Вислой и Балтійскимъ заливомъ, съ одной стороны, а въ славянскомъ праязыкѣ вообще, съ другой, покойный ученый на этомъ шаткомъ основаніи построилъ, съ привлеченіемъ значительнаго научнаго аппарата и съ помощью ряда остроумныхъ и смѣлыхъ догадокъ и умозаключеній, дѣлюю новую теорію о томъ, что около III—II вв. до рожд.

Хр., раньше нашествія готовъ, на берегахъ Вислы и на Балтійскомъ побережьѣ жило, подъ именемъ венецовъ или вендовъ, довольно значительное племя кельтовъ, которое, повидимому, подчинило себѣ сосѣднихъ, жившихъ въ бассейнахъ Нѣмана и Двины, славянъ, причемъ произвело на послѣднихъ сильное культурное вліяніе, главнымъ образомъ, конечно, въ области ихъ языка (Zu den ältesten slavisch-keltischen Beziehungen — „Archiv f. slav. Philologie“, 1911, XXXIII, 51—99). Конечно, неожиданная и смѣлая гипотеза эта оказалась на повѣрку, подъ холоднымъ и трезвымъ судомъ научной критики, совершенно несостоятельной и праздною, съ чѣмъ, повидимому, согласился въ концѣ концовъ и самъ авторъ, оставивъ ее вскорѣ, послѣ кое-какихъ слабыхъ возраженій, безъ дальнѣйшаго развитія и вниманія.

Въ связи съ указанной кельтской теоріей слѣдуетъ отмѣтить также ксатати, соприкасающуюся съ нею въ многихъ отношеніяхъ, другую подобную произвольную гипотезу покойнаго ученаго, а именно, поднятая имъ въ послѣдніе годы совершенно новыя предположенія относительно первоначальной прародины славянскаго племени въ Европѣ вообще. Исходя изъ общепринятаго положенія, что славяне составляли вѣкогда одну семью съ балтійцами, и признавая на этомъ основаніи, что они жили тогда вмѣстѣ съ послѣдними въ Прибалтійскомъ краѣ, онъ утверждаетъ, опять таки почти исключительно на основаніи сомнительныхъ или случайныхъ языковыхъ данныхъ, что, послѣ распадненія этой семьи на два отдѣльныхъ племени, славяне заселили Балтійское побережье, точнѣе — понизовья Нѣмана и Сѣверной Двины, затѣмъ бассейны нижнихъ теченій Западной Двины и Нѣмана, можетъ быть, распространяясь и далѣе къ югу — до бассейна Нарва и Зап. Буга, а наконецъ, когда эта территорія перестала ихъ удовлетворять, нашли себѣ „вторую прародину“ на берегахъ Вислы, откуда уже они только со временемъ стали передвигаться далѣе — на югъ и на юго-востокъ. Замѣчательно при этомъ, между прочимъ, что теперь уже въ венедахъ авторъ снова признаетъ славянъ, въ кельтскихъ же заимствованіяхъ праславянскаго языка допускаетъ ужъ германское посредство. (Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка, Петроградъ, 1915; Введеніе въ курсъ исторіи русскаго языка, Петр. 1916). Какъ и слѣдовало ожидать, также и приведенная новая гипотеза встрѣтила рѣшительныя возраженія въ наукѣ и, повидимому, должна тоже раздѣлить печальную участь, какъ кельтской теоріи, такъ и другихъ подобныхъ научныхъ увлеченій и крайностей этого блестящаго и многограннаго въ общемъ, но слишкомъ пылкаго и увлекавшагося ума.

Но „красота духовной личности почившаго ученаго — говорить по этому поводу проф. Г. А. Ильинскій — заключалась въ неугасимой жаждѣ научной истины: ради этой истины онъ не боялся ошибаться и по многу разъ перестраивать и передѣлывать свои теоріи, ради нея онъ безъ малѣйшаго чувства личной обиды прислушивался къ чужой критикѣ своихъ положеній и съ несокрушимой энергіей продолжалъ разрабатывать и привлекать къ изслѣдованію все новые и новые матеріалы, чтобы потомъ на расчищенной почвѣ построить новое, еще болѣе великолѣпное зданіе“. (Проблема праславянской прародины въ научномъ освѣщеніи А. А. Шахматова, 436).

Къ этой-то своеобразной его способности научнаго увлеченія, въ связи съ обаятельной личной мягкостью и добротой и чисто-русской либеральной рачительностью вообще, и слѣдуетъ отнести, несомнѣнно, какъ это вполне правильно сдѣлалъ и проф. Вондракъ, столь странное на первый взглядъ обстоятельство, что именно А. А. Шахматовъ, который въ многихъ своихъ научныхъ трудахъ, вмѣстѣ съ А. И. Соболевскимъ, положилъ главные основы для установленія взаимныхъ отношеній русскихъ нарѣчій въ ихъ органическомъ единствѣ, далъ себя употребить для пресловутой академической записки по малорусскому вопросу да и впоследствии еще неоднократно горячо поддерживалъ всякія „украинскія“ попытки національнаго обособленія въ отношеніи культуры и языка.

Въ такой же самой плоскости, повидимому, слѣдуетъ разсматривать также и участіе въ означенной запискѣ другого русскаго ученаго, профессора сравнительнаго языковѣдѣнія Московскаго университета и академика Филиппа Федоровича Fortunatova, который въ наукѣ, какъ извѣстно, придерживался вполне опредѣленнаго взгляда на взаимныя отношенія русскихъ нарѣчій и признавалъ ихъ несомнѣнную принадлежность къ одному цѣлому (какъ это явствуетъ уже хотя-бы изъ приведенныхъ выше, по рѣчи проф. Колессы, положеній изъ его книги „Сравнительное языковѣдѣніе“), но, тѣмъ не менѣе, по либеральному трафарету, а можетъ быть, и подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ пылкаго порыва своихъ друзей А. А. Шахматова и Э. Е. Корша, тоже присоединилъ свою подпись подъ ихъ записку.

8) Основатель нынѣшней „украинской“ фонетики, талантливый и разносторонній малорусскій писатель, ученый и публицистъ, Пантелеймонъ Александровичъ Кулишъ (1819—1897), вѣчно мятущійся и искавшій новой правды и воли духъ котораго страстно бро-

сался изъ одной крайности въ другую, не находя нигдѣ удовлетворенія и мира, неоднократно совершенно отрекался и отъ изобрѣтеннаго имъ правописанія, и отъ самого своего украинофильства вообще, хотя затѣмъ такъ или иначе возвращался къ нимъ снова. Такъ, напр., изъ яраго украино-и козачко-фила, сподвижника Костомарова и Шевченка, онъ въ 1870-хъ годахъ превратился въ не менѣе страстнаго противника и худителя, какъ восхваленнаго имъ козачества, такъ и самой „украинской“ идеи, какъ такой, самое яркое выраженіе чему онъ далъ въ своей знаменательной трехтомной „Исторіи воссоединенія Руси“, отъ которой онъ, однако, со временемъ, въ свою очередь, тоже откинулся въ сторону, чтобы искать сближенія и общей мысли — съ поляками.

Что же касается, въ частности, фонетическаго правописанія, то онъ уже въ 1866 г. писалъ о немъ Я. О. Головацкому, что онъ ввелъ его исключительно „съ цѣлью облегчить науку грамоты для людей, которымъ некогда долге учиться“, если же изъ него будутъ пытаться дѣлать „политическое знамя“ и если „это знамя онъ увидитъ въ непріятельскихъ рукахъ“, то „первый ударить на него и отречется отъ него во имя русскаго единства“ (см. львовскій журналъ „Боянъ“, 1867 г., н-ръ 10). То же самое писалъ онъ тогда же галицкому „украинскому“ публицисту Ем. Партицкому: „Завітую, що коли ляхи печататимуть мою правописсю на ознаку нашого розмѣру зъ великою Руссю, коли наша фонетична правопись виставлятиметься не яко підмога народові до просвіти, а яко знамено нашої руської розні, то я, писавши по своєму, по вкраїнськи, печататиму етимологичнѣю, старосвіцькою ортографією... Половина нась лиха доля довго и силувались ми до одностійности руської кривавимъ робомъ, а вже теперъ шкода людського заходу нась розлучати!“ (Тамъ-же, н-ръ 13). А черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1879 г., окончательнѣе уже разочаровавшись въ своихъ единомышленникахъ и сподвижникахъ, какъ на Украинѣ, такъ и во Львовѣ, онъ и совсѣмъ уже рѣшительно и опредѣленно писалъ, по русски, своему долголѣтнему и вѣрному галицкому поклоннику и другу, извѣстному „украинскому“ дѣятелю и публицисту Ал. Г. Барвинскому, что онъ „наковецъ изломалъ малорусское или украинское перо свое“ и что онъ „пишетъ теперь по великорусски, предоставляя галицкимъ русинамъ проповѣдывать какія угодно историческія выдумки“. (Ал. Барвинскій: Спомини з мого життя, Львовъ 1912, I, 281).

Все это, однако, не помѣшало опять-таки этому крайне неустойчивому и непослѣдовательному писателю вскорѣ на-

задь возвратиться къ отвергнутымъ имъ было „украинскому“ языку и фонетическому правописанію, отъ которыхъ овъ уже въ общемъ не отклонялся до самой своей смерти.

Объ этихъ національно-языковыхъ колебаніяхъ и смѣнахъ П. А. Кулиша вообще см.: О. А. Мончаловскій: Письма П. Кулиша, относящіяся къ времени и пѣли его пребыванія во Львовѣ. — „Научно-лит. Сборникъ Гал. рус. Матицы“, Львовъ, 1904, I, 59—72; Д. И. Дорошенко: Павтелеймон Кулиш, Лейпцигъ, 1922; С. Томашевскій: Кулиш і укр. національна ідея—Під колесами історії, Берлинъ, 1922; В. Г. Щуратъ: Філософічна основа творчости Кулиша, Львовъ, 1922.

9) Л. Н и дер ле: Обзоръіне современнаго славянства, С.-Пб. 1909. Съ картою. (Энциклопедія Славянскої Филології, вып. II). То-же по чешски: Slovanský svět. Zeměpisný a statistický obraz současného slovanstva. Прага, 1910.

10) Пропущено нѣсколько строкъ протокола, относящихся къ формальной сторонѣ судебного производства.

11) Къ большому сожалѣнію, однако, означеннаго официального заключенія проф Ягича, которое могло бы, безъ сомнѣнія, представить значительный интересъ по данному вопросу, ни въ самомъ протоколѣ, ни среди другихъ актовъ процесса валидо не оказалось. Только изъ дальнѣйшаго отчета о ходѣ процесса (стр. 1465—1467) обнаруживается въ общемъ, что это заключеніе было составлено проф. Ягичемъ по предложенію министерства внутреннихъ дѣлъ и относилось къ поданному въ 1913 г. во львовское намѣстничество и написанному на галицко-русскомъ народно-литературномъ языкѣ и этимологическимъ правописаніемъ заявленію предсѣателя „Русскаго Спасательнаго Комитета“ во Львовѣ проф. Ф. И. Свистуна объ образованіи посадняго и о предполагаемыхъ имъ мѣропріятіяхъ по оказанію помощи голодающему русскому населенію края, причемъ отъ проф. Ягича, по всей видимости, требовалось дать филологическій отзывъ специально объ языкѣ и правописаніи этого письма.

12) Высказываясь такъ рѣшительно въ пользу фонетическаго правописанія вообще, проф. Воидракъ имѣетъ въ виду, очевидно, лишь его практическое упрощеніе и удобство, совершенно оставляя безъ вниманія заключающіяся въ немъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ, напр., относительно русскихъ нарѣчій, возможныя внутреннія противорѣчія и смуты.

13) Такъ какъ указываемый Д. А. Марковымъ протестъ проф. Соболевскаго (или заявленіе, записка, письмо?—ср. примѣчанія 17 и 19) тоже ни въ самомъ про-

токолъ, ни среди другихъ актовъ процесса не сохранился, то невозможно пока и установить точно — что именно имѣется тутъ въ виду: первоначальный-ли, заявленный тогда же по составленіи академической записки въ 1905 г., его протестъ, или какое-то другое возраженіе его противъ послѣдней отъ 10 марта 1910 г., о которомъ у насъ сейчасъ, за невозможностью срочнаго наведенія соответственныхъ справокъ, никакихъ свѣдѣній нѣтъ?

14) Послѣдовалъ 10-минутный перерывъ слушанія дѣла.

15) *Ukrainische und russische Sprache. Wissenschaftliche Beiträge. Herausg. vom Allgemeinen Ukrainischen Nationalrat. Вѣна, 1914, стр. 28, 8^о.* — Отчетъ объ академической запискѣ занимаетъ страницы 11—16.

Слѣдуетъ замѣтить кстати, что сдѣланное докладчикомъ попутно указаніе на то, будто-бы данная брошюра вышла въ изданіи „Дѣла“, настолько неправильно, что она только находилась на складѣ въ конторѣ послѣдняго, въ какомъ смыслѣ и исправленъ нами русскій переводъ. — Въ протоколѣ прочитанной на судѣ выдержки изъ брошюры нѣтъ.

16) Авторитетнѣйшій представитель русскаго славяновѣдѣнія, историкъ и этнографъ, профессоръ Петербургскаго университета и членъ Академіи Наукъ Владиміръ Ивановичъ Ламанскій (1833—1914), являясь рѣшительнымъ и горячимъ сторонникомъ русскаго литературнаго и національнаго единства вообще, тѣмъ не менѣе, въ частности, въ филологическую сторону вопроса, ужъ по самому характеру своей научной специальности и задачи, болѣе подробно не выкаль.

17) См. примѣчаніе 13-ое.

18) Это замѣчаніе докладчика не совсѣмъ точно, такъ какъ проф. Вондракъ призналъ только, что это постольку лишь официальное мнѣніе Академіи, поскольку оно формально вышло изъ академической среды. Ср. выше — примѣчаніе 5-ое.

19) См. примѣчаніе 13-ое. — Въ протоколѣ текста этого письма (?) тоже совершенно нѣтъ.

20) Профессоръ Пражскаго университета Франтишекъ Пастрнекъ (род. 1853 г.) — выдающійся и многозаслуженный западно-славянскій языковѣдъ.

21) Превосходнѣйшій и основательный изслѣдователь славянскихъ древностей и этнологъ, авторъ капитальнѣйшихъ трудовъ „*Slovanské starožitnosti*“ и „*Slovanský svět*“, Люборъ Нидерле, — тоже профессоръ Пражскаго университета.

22) Луи Леже (*Lèger*), профессоръ славяновѣдѣнія въ Collège de France, занимаясь, главнымъ образомъ, куль-

турной исторіей, этнографіей и мифологіей славянъ, придерживается при этомъ въ общемъ устарѣвшихъ научныхъ методовъ и взглядовъ

23) А. Мелле (Meillet), профессоръ славянскаго языковѣдѣнія въ Collège de France, интересуясь преимущественно древнимъ церковно-славянскимъ языкомъ, дѣйстви-тельно мало вникаетъ, повидимому, во взаимныя отношенія современныхъ славянскихъ нарѣчій, чѣмъ и объясняется, между прочимъ, хотя-бы такое, напр., странное на первый взглядъ обстоятельство, что онъ далъ свое рекомендательное предисловіе къ изданной недавно проф. М. С. Грушевскимъ на французскомъ языкѣ завѣдомо тенденціозной и дутой „Anthologie de la littérature ukrainienne“ (Парижъ, 1921).

24) Альфредъ Рамбо (Ramboud) занимался спеціально политической исторіей славянъ.

25) Тутъ имѣется въ виду, очевидно, докладъ акад. Ѳ. Е. Корша по малорусскому вопросу, „прочитанный въ 1911 г. въ Московскомъ „Обществѣ Славянской Культуры“, о которомъ были помѣщены обстоятельные отчеты въ печати („Утро Россіи“, „Рада“, „Прикарпатская Русь“). Ср. также статьи Ѳ. Е. Корша по тому же вопросу: Въ борьбѣ за родной языкъ („Утро Россіи“ и „Прик. Русь“, 1911 г, н-ра 394—395) и Триединая Русь („Утро Россіи“ и „Прикарп. Русь“, 1911 г. н-ръ 423).

26) Выдающійся славистъ, профессоръ Черновецкаго университета Емилианъ Геронимовичъ Калужняцкій (1845—1914) является, между прочимъ, авторомъ извѣстныхъ всенародныхъ протестовъ противъ введенія „украинской“ фонетики, какъ разъединяющаго начала, въ буковинскихъ и галицкихъ школахъ.

27) Профессоръ Львовскаго университета, а впоследствии председатель Виленской Археографической Комиссіи, Яковъ Ѳедоровичъ Головацкій (1814—1888), — одинъ изъ самыхъ крупныхъ и заслуженныхъ дѣятелей возрожденія Галицкой Руси и выдающійся галицко-русскій филологъ, историкъ и этнографъ.

28) Каноникъ Антонъ Степановичъ Петрушевичъ (1821—1910) — тоже выдающійся и многозаслуженный галицко-русскій культурный дѣятель, филологъ, археологъ и исторіографъ.

Всѣ эти три, указанные Д. А. Марковымъ, галицко-русскіе ученые, какъ и цѣлый рядъ другихъ, какъ, напр., Д. И. Зубрицкій, И. И. Шараневичъ, Ф. И. Свистунъ и др., являлись, какъ извѣстно, убѣжденными

и вѣрными сторонниками завѣтнаго и незыблемаго единства всѣхъ русскихъ нарѣчій и племенъ.

29) П. А. Кулишъ пріѣзжалъ въ началѣ 1880-хъ годовъ во Львовъ съ цѣлью устройства примиренія русскихъ галичанъ съ поляками, въ какомъ направленіи и издалъ нѣсколько брошюръ („Хуторная поэзія“, „Крашанка“ и др.) и намѣревался издавать даже на средства нѣкоторыхъ польскихъ пановъ политическую газету „Хуторъ“, но вскорѣ затѣмъ, разувѣрившись въ искренности и честности польскихъ политиковъ, порвалъ съ ними всякія сношенія и уѣхалъ, сначала въ Вѣну, а затѣмъ и обратно въ Россію. См.: В. Г. Щуратъ: До історіі останного побуту П. Кулиша у Львові, Львовъ, 1898; О. А. Мончаловскій: Письма П. А. Кулиша, относящіяся къ времени и цѣли его пребыванія во Львовѣ, — „Научно-лит. Сборникъ Гал.-рус. Матицы“, 1904 г., I, 59—72, II, 1—41.

30) Указанная брошюра Ив. Нечуя-Левицкаго вышла въ 1912 г.: Криве дзеркало української мови, Кієвъ, 1912, стр. 96, 8°.

Еще раньше, въ 1890-хъ годахъ, съ подобнымъ же укоромъ по поводу галицкихъ искаженій и новообразованій литературнаго „украинскаго“ языка выступилъ во львовскомъ журналѣ „Зоря“ другой крупный малорусскій писатель изъ Украины — В. Д. Гринченко (В. Чайченко).

31) Иавѣстный московскій профессоръ-славистъ, историкъ, археологъ и публицистъ, Михаилъ Петровичъ Погодинъ (1800—1875), путешествуя въ 1830-хъ гг. по славянскимъ землямъ, познакомился проѣздомъ, между прочимъ, также и съ нѣсколькими русскими галичанами во Львовѣ, съ которыми онъ и поддерживалъ затѣмъ живыя литературныя связи, снабжая ихъ, главнымъ образомъ, научными матеріалами и книгами, откуда и пошла впоследствии нелѣпая и злостная „украинская“ молва о томъ, что это онъ именно впервые насадилъ среди русскихъ галичанъ національно-русское сознаніе и устремленіе. (См.: К. Студинскій: Кореспонденція Якова Головацкаго в лѣтахъ 1850—62, Львовъ, 1905, XVI; М. Тершаковець: Галицко-руське літературне відроджене, Львовъ, 1908, 123—134; И. С. Свѣнцицкій: Матеріалы по ист. возрожденія Карпатской Руси, Львовъ, 1906, I, 142—158; его же: Обзоръ сношеній Карпатской Руси съ Россіей въ 1-ую пол. XIX в., С.-Пб. 1906, 2—4, 50—69.

Письма проф. Фр. Миклошича къ М. П. Погодину напечатаны въ изданіи Нила Попова: Письма къ М. П. Погодину изъ славянскихъ земель, Москва, 1879, 455—460.

32) Пропущенъ небольшой, не представляющій для даннаго вопроса никакого интереса, экскурсъ проф. Вондрака на тему о кириллицѣ и глаголицѣ въ славянскомъ письмѣ.

33) Выраженія „Ruthenen“ и „ruthenisch“ появились въ официальномъ австрийско-нѣмецкомъ языкѣ съ половины прошлаго столѣтія, когда, согласно извѣстной насмѣлкѣ вѣнскаго сатирика Саффа, „изобрѣлъ“ ихъ, очевидно — въ видахъ болѣе нагляднаго отвращенія и отчужденія галицко-русскаго народа отъ Россіи, тогдашній галицкій губернаторъ графъ Стадіонъ. — Вообще объ иноязычныхъ историческихъ наименованіяхъ русскаго населенія Прикарпатя см.: A. Iv....tsch (А. И. Добрянскій): Nomenclation der österreichisch-ungarischen Russen, Вѣна, 1885.

34) Д. И. Янчевецкій — уроженецъ Россіи, чѣмъ и объясняется, конечно, этотъ странный и неожиданный въ общемъ вопросъ.

Ю. Яворскій.

Исправленіе опечатокъ.

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
11	12	если-бы	если-бы
14	15	gespalten	ge-paltet
15	20	Verwandschatt	Verwandschaft
15	29	polnichen	polnischen
25	1	derjenige:	derjenige,
25	14—15	Kleinrussichen	Kleinrussischen
26	6	Ässerung	Äusserung
28	1	Dr :	Dr.
28	14	Legèr	Lèger
29	2	Etnografen	Etnographen
29	27	Slawistik	Slavistik
30	35—36	g. „alیزisch-russisch“	„galیزisch-russisch“
31	28	1)	’).
36	33—34	интетесамъ	интересамъ
36	39	8 іюня	11 іюня
43	22	Скavianской	Славянской
43	39	образовъ	образомъ
44	16	искусственно	искусственно
47	37	чатаеть	читаетъ

